

не довольствуется пустой скучной жизнью ее собственной семьи и рвется к более широкой деятельности. «Быть доброю — этого мало; делать добро... да; это главное в жизни», — пишет она в своем дневнике. Но кто ее окружает? Шубин, талантливый ваятель, избалованный ребенок, «мотылек, любующийся самим собою»; Берсенева, будущий профессор, чисто русская натура — превосходный человек, чрезвычайно скромный и чуждый какого-либо эгоизма, но лишенный вдохновения, страдающий отсутствием энергии и почина. Эти два поклонника Елены принадлежат к лучшим людям окружающего ее общества. Однажды Шубин, во время прогулки летнею ночью, говорит своему другу, Берсеневу: «Я люблю Елену, но она любит тебя... Пой, если умеешь, пой еще громче; если не умеешь — сними шляпу, закинь голову и улыбайся звездам. Они все на тебя смотрят, на одного тебя: звезды только и делают, что смотрят на влюбленных людей». Но Берсенева возвращается в свою маленькую комнатку и раскрывает «Историю Гогенштауфенов» Румера на той самой странице, на которой прервал чтение...

Но вот появляется Инсаров, болгарский патриот, поглощенный одной идеей — мыслью об освобождении своей родной страны; человек, выкованный из стали, грубоватый, расставшийся со всеми меланхолическими философскими мечтаниями и идущий прямо вперед, по направлению к единственной цели своей жизни, — и выбор Елены сделан. Страницы романа, изображающие пробуждение и развитие ее любви, принадлежат к лучшим, когда либо написанным Тургеневым. Когда Инсаров внезапно замечает пробудившуюся в нем любовь к Елене, он сначала решает уехать из подмосковной дачи, на которой происходит действие, и даже совсем оставить Россию. Он отправляется в дом родителей Елены, чтобы сообщить о своем отъезде. Елена хочет взять с него обещание повидаться с ней завтра, до отъезда, но он такого обещания не дает. Тогда Елена ждет его до полудня и, не дождавшись, идет сама к нему. На пути ее захватывает гроза, и она заходит в старую придорожную часовню. Там она встречается с Инсаровым, и в часовне происходит объяснение между застенчивой скромной девушкой, подозревающей, что Инсаров любит ее, и патриотом, открывающим в ней силу, которая не только не помешает ему, но удвоит его энергию. Объяснение заканчивается восклицанием Инсарова: «Так здравствуй же, моя жена перед людьми и перед Богом».

В Елене мы имеем, таким образом, тип той русской женщины, которая, несколько позже, отдавала себя вполне всем освободительным движениям в России; женщины, которая завоевала себе право на образование, реформировала воспитание детей на более разумных началах, восставала ради освобождения крестьян и рабочих, переносила, не поступаясь ничем из своих убеждений, каторгу и ссылку в Сибири, умирала, если нужно, на эшафоте и по сию пору ведет все так же смело ту же борьбу. О высоком художественном достоинстве этой повести я уже упоминал. Ей можно сделать в этом отношении только один упрек: Инсаров, человек действия, — не достаточно живое лицо. Но по стройности архитектуры повести и по красоте ее отдельных сцен, начиная с первой и кончая последней, «Накануне» стоит в ряду лучших беллетристических произведений всемирной литературы.

Следующим произведением Тургенева была повесть «Отцы и дети». Она была написана в 1859 году, когда на смену сентименталистам и «эстетикам» прежнего времени в образованной части русского общества появился совершенно новый тип — тип нигилиста. Люди, незнакомые с тургеневскими произведениями, склонны смешивать «нигилистов» с террористами или народовольцами, принимавшими участие в борьбе с самодержавием в 1879—1881 годах; но такое смешение — грубая ошибка. «Нигилизм» и «терроризм» — два совершенно различных явления; причем тип нигилиста неизмеримо глубже и шире террориста. Чтобы понять это, необходимо прочесть тургеневских «Отцов и детей». Представителем этого типа является молодой доктор, Базаров, — «человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип». Вследствие этого он отрицательно относится ко всем учреждениям настоящего времени и выбрасывает за борт все условности и мелочные притворства жизни обыденного общества. Он едет навестить своих стариков, отца и мать, и по пути останавливается погостить в поместье своего молодого друга Аркадия, отец и дядя которого оказываются типичными представителями старого поколения. Это обстоятельство дает Тургеневу случай в ряде мастерских сцен иллюстрировать столкновение между двумя поколениями — между «отцами» и «детьми». Этого рода столкновения, отличавшиеся большой горечью, происходили в то время по всей России.

Один из двух братьев, Николай Петрович, — добродушный, слегка восторженный мечтатель, увлекавшийся в юности Шиллером и Пушкиным, но никогда не проявлявший особенного интереса к практической деятельности, — живет в собственном имении ленивою жизнью помещика. Но все же